

Благодарная почва. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> приятного чтения!

Благодарная почва. Лев Николаевич Толстой

Из дневника

Опять живу я моего друга Черткова в Московской губернии. Гощу по той же причине, по которой мы съезжались с ним на границе Орловской и я год тому назад приезжал в Московскую. Причина та, что черта оседлости для Черткова – весь земной шар, кроме Тульской губернии. Вот я и выезжаю на разные концы этой губернии, чтобы видеться с ним.

Выхожу в восьмом часу на обычную прогулку. Жаркий день. Сначала иду по жесткой глинистой дороге мимо акации, готовящейся уже трещать и выбрасывать свои семена; потом мимо начинающей желтеть ржи с своими чудными, все еще свежими васильками; выхожу в черное, почти все уж запаханное паровое поле; направо пашет старик в бахилках сохой и на плохой худой лошади, и слышу сердитое старинное: «Вылезь!» – с особенным ударением на втором слоге. И изредка: «У! Дьявол!» И опять: – «Вылезь... Дьявол». Хотел поговорить с ним, но, когда я проходил мимо его борозды, он был на противоположном конце полосы. Иду дальше. Впереди другой пахарь. С этим, должно быть, сойдуся, когда он будет подходить к дороге. «Коли сойдуся, то и поговорю с ним, если придется», – думаю я. И как раз встречаемся с ним у дороги. Этот пашет плугом на крупной рыжей лошади; молодой, красиво сложенный малый, одет хорошо, в сапогах, ласково отвечает на мой привет: «Бог на помощь».

Плуг плохо берет накатанную дорогу, он переезжает ее и останавливается.

- Что же, лучше сохи?
- Как же, много легче.
- А давно завел?
- Недавно, да вот украли было.
- Как же, нашли?
- Нашли, своей же деревни.
- Что же, и в суд подали?
- А то как же?
- Зачем же подавать, коли плуг нашелся?
- Да ведь вор.
- Что ж, что вор, посидит в остроге – хуже воровать научится.

Серьезно и внимательно смотрит на меня, очевидно не отвечая ни согласием, ни отрицанием на новую для него мысль.

Свежее, здоровое, умное лицо с чуть пробивающимися светлыми волосами на бороде и верхней губе, с умными серыми глазами. Он заворотил лошадь, чтобы идти назад, но оставил плуг, очевидно желая отдохнуть и не прочь поговорить. Я взялся за ручки плуга и тронул потную сытую рослую кобылу. Кобыла влегла в хомут, а я сделал несколько шагов. Но я не удержал плуг, он выскочил, и я остановил лошадь.

- Нет, вы не можете.
- Только тебе борозду испортил.
- Это ничего, справлю.

Он осадил лошадь, чтобы взять пропущенное мною, но не стал пахать.

- На солнце жарко, пойдем в кустах посидим, – пригласил он, указывая на лесок вплоть у конца полосы.

Мы перешли в тень молодых березок. Он сел на землю, я остановился против него.

- Из какой деревни?
- Из Ботвиньина.
- Далече?
- Вон маячит на горке. – И он показал мне.
- Что же так далеко от дома пашешь?
- Да это не моя, здешнего мужичка, я нанялся.
- Как нанялся, на лето?
- Не, посеять нанялся – вспахать, передвоить, как должно.
- Что же, у него земли много?
- Да мер двадцать высевает.
- Вот как, а лошадь это твоя? Хорошая лошадь.
- Да кобыла ничего, – говорит он с спокойной гордостью.

Кобыла действительно такая по ладам, росту и сытости, каких редко видишь у крестьян.

- Верно, живешь в людях, извозом занимаешься?
- Не, дома, один и хозяин.
- Такой молодой?
- Да я с семи лет без отца остался, брат в Москве живет, на фабрике. Сначала сестра помогала, тоже на фабрике жила, а с четырнадцати лет как есть один, во все дела, и работал, и наживал, – сказал он с спокойным сознанием своего достоинства.
- Женат?
- Нет.
- Так кто же у тебя по домашности?
- А матушка?
- И корова есть?
- Коров две.
- Вот как! Сколько же тебе лет? – спросил я.
- Восемнадцать, – отвечал он, чуть улыбаясь и понимая, что меня занимало то, что он, такой молодой, так мог устроиться. И это, очевидно, было ему приятно.
- Какой еще молодой, – сказал я. – Что же, и в солдаты придется?
- Как же, лобовой, – сказал он с тем спокойным выражением, с которым говорят про старость, про смерть, вообще про то, о чем рассуждать нечего, потому что оно неотвратимо.

Разговор наш, как и всегда в наше время разговоры с крестьянами, коснулся земли, и он, описывая свою жизнь, сказал, что земли мало, что если бы не работал где пеший, где на лошади, то и кормиться бы нечем. Но рассказывает он все это с веселым, радостным и гордым самодовольством. Повторил еще раз, что остался один

Благодарная почва. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
хозяином с четырнадцати лет и все один заработал.

– Ну, а вино пьешь?

Очевидно, ему неприятно было сказать, что пьет, но он не хочет сказать неправду.

– Пью, – сказал он тихо, пожимая плечами.

– А грамоте знаешь?

– Хорошо знаю.

– Что же, не читал книг о вине?

– Нет, не читал.

– Что же, а лучше бы не пить совсем.

– Известно, добра от него мало.

– Так и бросить бы.

Он молчит, и видно, что понимает и думает.

– Ведь можно, – говорю я, – а как хорошо бы. Вот я третёва дни ездил в Ивино, только подъезжаю к одному двору, а хозяин здоровывается со мною и называет меня по имени-отчеству. Выходит, что двенадцать лет тому назад мы виделись с ним. Это Кузин; знаешь?

– Как же. Сергей Тимофеич.

И я рассказываю ему, как с этим Кузиным двенадцать лет тому назад мы устроили общество трезвости, и с тех пор он, Кузин, хотя и пил прежде, перестал пить совсем.

– И вот теперь говорил Кузин мне, что только радуется тому, что отстал от этой пакости, – сказал я. – И живет, видно, очень исправно. И дом и все заведение. А не брось он пить, может, и совсем не то бы было.

– Да, это точно.

– Так вот и тебе бы так. Такой ты малый хороший, к чему тебе вино пить, коли сам говоришь, что от него никакой пользы нет. Брось и ты, и как хорошо будет.

Он молчит и во все глаза смотрит на меня. Я собираюсь уходить и подаю ему руку.

– Право, брось, вот с этого раза. Вот бы хорошо было.

Он сильной рукой сжимает мою руку и, очевидно, в этом рукопожатии видит вызов на обещание.

– Ну что же, можно, – совершенно неожиданно, как-то весело и решительно говорит он.

– Неужели обещаешь? – говорю я с удивлением.

– А то что ж? Обещаю, – говорит он, кивая головой и чуть улыбаясь.

И по его спокойному звуку голоса, серьезному, внимательному лицу видно, что это не шутка и что он точно обещает и точно хочет исполнить то, что обещает.

От старости ли, от болезни, или от того и другого вместе, я стал слаб на слезы; на слезы умиления – радости. Простые слова этого милого, твердого, сильного человека, такого одинокого и такого, очевидно, готового на все доброе, так тронули меня, что я отошел от него, от волнения не в силах выговорить слова.

Когда я оправился, отойдя несколько шагов, я повернулся к нему и сказал (я перед этим спросил, как его зовут):

- Так смотри же, Александр: не давши слова – крепись, а давши слово – держись.
- Да это уж как есть, верно будет.

Редко приходится испытывать более радостное чувство, которое я испытывал, отходя от него.

Я забыл сказать, что, разговаривая с ним, я предложил дать ему листков против пьянства и книжечек. Тех листков против пьянства, из которых один был приклеен в соседней деревне хозяином к наружной стене и был сорван и уничтожен урядником. Он поблагодарил и сказал, что зайдет в обед. В обед он не зашел, и – грешный человек – мне пришло в голову, что весь разговор наш не был для него так важен, как мне показалось, и что ему и не нужно книг, и что вообще я приписал ему то, чего в нем не было. Но вечером он пришел, весь потный от работы и перехода. Проработав до вечера, он доехал домой, отпряг плуг, убрал лошадь и за четыре версты, бодрый, веселый, пришел ко мне за книгами. Я с гостями сидел на великолепной террасе перед разбитыми клумбами с урнами среди цветочных горков. Вообще среди той роскошной обстановки, за которую всегда стыдно перед людьми рабочего народа, когда вступаешь с ними в человеческие отношения.

Я вышел к нему и первым делом повторил вопрос: не раздумал ли? верно ли будет держать обещание? Опять с той же доброй улыбкой он сказал:

- А то как же, я и матушке сказал. Она рада, благодарит вас.

За ухом у него я увидел бумажку.

- А куришь?

– Курю, – сказал он, очевидно ожидая, что я буду уговаривать его и это бросить. Но я не стал. Он помолчал и по какой-то странной связи мыслей, – связь эта, я думаю, была в том, что, видя во мне сочувствие к своей жизни, он хотел сообщить мне то важное событие, которое ожидало его осенью, – он сказал:

– А я вам не сказывал: меня уже сосватали. – И он улыбнулся, вопросительно глядя мне в глаза. – Осенью.

- Вот как! Хорошее дело. Где берете?

Он сказал.

- С приданным?

– Нет, какое приданое. Девушка хорошая.

И мне пришло в голову сделать ему тот вопрос, который всегда занимает меня, когда имеешь дело с хорошими молодыми людьми нашего времени.

– А что, – спросил я, – уж ты прости меня, что я тебя спрашиваю, но, пожалуйста, скажи правду: или не отвечай, или всю правду скажи.

Он уставил на меня спокойный, внимательный взгляд.

- Отчего ж не сказать.

– Имел ты грех с женщиной?

Ни минуты не колеблясь, он просто отвечал:

- Помилуй бог, не было этого.

– Вот и хорошо, очень хорошо, – сказал я. – Радуюсь за тебя.

Говорить больше было сейчас нечего.

- Ну так вот, я сейчас вынесу тебе книжки, и помогай тебе бог.

Благодарная почва. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
И мы простились.

Да, какая чудная для посева земля, какая восприимчивая. И какой ужасный грех бросать в нее семена лжи, насилия, пьянства, разврата. Да, какая чудная земля не переставая парует, дожидаясь семени, и зарастает сорными травами. Мы же, имеющие возможность отдать этому народу хоть что-нибудь из того, что мы не переставая берем от него, – что мы даем ему? Аэропланы, дредноуты, тридцатиэтажные дома, граммофоны, кинематограф и все те ненужные глупости, которые мы называем наукой и искусством. И главное – пример пустой, безнравственной, преступной жизни. Да еще хорошо, если бы мы за то, что берем от него, давали бы ему только одна ненужные, глупые и дурные примеры. А то вместо уплаты хоть части своего неоплаченного долга перед ним мы засеиваем эту алчущую истинного знания землю одними «терниями и волчцами», запутываем этих милых, открытых на все доброе, чистых, как дети, людей коварными, умышленными обманами.

Да, «горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».
Мещерское, 21-го июня 1910 года, – ясная поляна, 9-го июля 1910 года.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!